

Марат Валеев

Аромат сенокоса

Валенки подшитые

В селе Пятерыжск на северо-востоке Казахстана, в котором наша семья прожила с середины пятидесятых до середины восьмидесятых, главной зимней обувью как у взрослых, так и у детей были валенки (мы их обычно называли «пимы»). Морозы в этих краях порой достигают до минус сорока градусов, а то и ниже, что и неудивительно: рядом Западная Сибирь. Причём у родителей валенки были двух видов: рабочие и выходные, в которых они ходили в сельский клуб на киносеансы или редкие концерты и в гости.

Это была самая оптимальная обувь для зимы: тёплая, нескользкая. Валенки изготавливались в валяльном цеху Железинского райбыткомбината из так называемой давальческой шерсти, то есть заказчик привозил накопленную овечью шерсть и сдавал её в мастерскую, из которой и валялись (раскатывались, отсюда ещё одной название этой уникальной зимней обуви) катанки.

Уже будучи сотрудником районной газеты, я однажды пошёл в этот цех за репортажем о работе валяльщиков. И был неприятно поражён тем, как трудно в этом помещении дышать от большого количества войлочной взвеси в воздухе, назойливого запаха мокрой шерсти, хотя в нём и была вентиляция. Определённо, это производство относилось к вредным. И вот здесь сотворялись очень приличные валенки, которые заказывали жители не только Железинского, но и других районов Павлодарской и даже соседней Омской областей.

Однако как бы ни были они хороши, подошвы у валенок, к сожалению, со временем стирались и истончались, вплоть до появления в них дыр. И чтобы не допустить этого, истоптанные уже катанки, а то ещё и новые, подшивались вырезанными из голенищ старых накладками. После чего валенки могли послужить своему хозяину ещё не одну зиму. Этим ответственным делом у нас занимался отец. У него всегда были наготове моток дратвы (специальной прочной нити, которая смолилась путём протаскивания её через кусок вара) и шило.

Из моих детских впечатлений запомнилась одна жуткая картина, связанная как раз с подшивкой валенок.

Случилось это ещё в далёкие пятидесятые годы, зимой. Мы тогда жили в небольшой саманной мазанке на две комнаты. Дальняя была отведена под горницу, она же — родительская спальня, а другая, с печкой, была и кухней, и детской. Детей тогда у родителей было двое — я да мой младший брат Ринат, и спали мы с ним на одной койке.

И вот однажды рано утром я просыпаюсь от запаха табачного дыма и поскрипывания табуретки. Отец, с папироской в зубах, сидел у топящейся печи и при свете керосиновой лампы (в ту пору в селе была дизельная электростанция, и электричество она производила только с шести утра до двенадцати ночи) и перед уходом на работу подшивал чей-то валенок.

Я, не высовывая голову из-под одеяла, в щёлочку с интересом наблюдал за ним. Отец, засунув левую руку с дратвой глубоко в валенок, правой протыкал подошву и наживлённую к ней войлочную накладку, цеплял крючком шила дратву и продёргивал её наружу.

На плите дребезжала крышка закипающего чайника, мама хлопотала у стола, накрывая для отца завтрак. За моей спиной мирно посапывал братишка, на белёных стенах шевелились большие тени родители. А за заиндевелым окном было всё ещё темным-темно, и голая кленовая ветка, раскачиваемая ветром, иногда царапала стекло.

Эта умиротворяющая семейная идиллия вскоре сморила меня, и я стал засыпать. Как вдруг отец негромко вскрикнул и выругался.

— Ни будды, Хасян? — Что случилось? (родители между собой всегда говорили по-татарски, пытались и с нами, но мы, понимая их, отвечали на русском, давало знать о себе постоянное общение с русскими ребятишками) — всполошилась мама и подскочила к отцу.

Я тоже живо выбрался из-под одеяла и сел, не отрывая глаз от происходящего и ещё не понимая, что же произошло.

— Кит миннян! (Отойди от меня!) — скомандовал матери отец (она, побледневшая, стояла рядом), на секунду замер, потом глубоко вздохнул и резко рванул правую руку в сторону, сморщился и вынул левую руку из валенка.

Большой палец был весь в крови, она обильно, почти ручейком, закапала на пол. Мама вскрикнула и пошатнулась.

— Да ладно тебе, — буркнул отец, положил валенок на угол печки и, подойдя к рукомойнику, стал омыwać окровавленный палец.

Оказалось, что он нечаянно подставил в валенке палец под шило и проткнул его. А шило ведь было с крючком, и вытащить его, мягко говоря, было не так-то просто — только сильно рванув в сторону и вырвав клочок мяса, что отец и сделал.

Мама метнулась в горницу, вернулась с белым чистым носовым платком. Она туго перемотала отцов палец, и платок тут же заалел, промокнув от крови. Я по-прежнему сидел молча, вытаращив глаза.

— Ну чего ты, чего? Испугался, что ли? Ерунда, мне не больно совсем. Спи давай, рано ещё, — отец потрепал мой чубчик здоровой рукой и... уселся пить чай.

А потом, сняв повязку и подождав, пока мама обильно польёт ранку йодом и снова перевяжет её, он отправился на работу, возить корма для коров на ферму.

Тогда мне всё это показалось необычайным, страшным. Но со временем, подрастая и наблюдая за отцом, я понял, что вот такие мужские поступки, связанные с преодолением боли, с жёсткой решимостью в необходимых случаях — для него дело привычное, о чём говорило обилие шрамов на его теле. Я и сам однажды ножом вскрыл себе сводившую меня с ума от боли опухоль на десне (дело было на даче, где ждать медицинской помощи было неоткуда). И ничего, лишь прополоскал рану водкой — и выжил. Бывали и другие случаи, вспоминать о которых не хочется, да и не время.

Вернёмся к валенкам, они же пимы. Как только палец на руке отца немного зажил, он довёл работу с ними до конца, а потом взялся за другие. Так что наша семья, благодаря сноровке отца, всегда ходила зимой в хорошо подшитых валенках. А я вот не умею этого делать. Хотя уже и не надо...

Кормилица

Увидел в интернете фото самодельной маслобойки. Точно такая же штука, похожая на очень узкую и высокую деревянную бочку, была и в нашем доме. Молока у нас было достаточно, и из полученной из него сметаны мама в такой вот маслобойке вручную сбивала масло.

Процесс этот был длительный, на производство домашнего масла, по-моему, уходил не один час, поэтому, устав сама чухать деревянной рукояткой с укрепленной на ней деревянной крестовиной-поршнем вверх-вниз или когда ей просто нужно было переключиться на какую-то другую работу, мама перепоручала на некоторое время, как старшему из детей, сбивание мне.

И тогда я начинал, сначала лениво, а потом — поддавшись нетерпеливому азарту (чем скорее собью масло, тем скорее уйду на улицу!), двигать отполированной до тусклого блеска сбивалкой всё быстрее и быстрее. Наконец на крестовину начинала налипать зернистая желтоватая масса, а молоко в маслобойке становилось водянистого цвета.

Тогда я кричал матери, прибирающейся дома: — Ма, кажется, готово!

Мама приходила, вынимала поршень, одобрительно кивала:

— Почти. Побей ещё минут десять...

А через десять минут она отпускала меня и сама начинала священнодействовать: чисто вымытыми руками сбивала полученную массу в жёлтый, аппетитно пахнущий комочек весом где-то с килограмм, может быть, и оставляла его плавать в миске с холодной водой.

И какой потом получался вкусный бутерброд из этого домашнего масла, тонко пахнущего тёплым коровьим дыханием, ароматом степных и луговых трав! И такое масло мама могла сбивать в любое время, но главным образом — как только чувствовала, что её дружная семья уже доедает прежний янтарный комочек масла и пора бы заpastись новым.

Но это ещё не всё в моём увлекательном (так же?) рассказе. Ведь, прежде чем получить сливки для дальнейшего производства из него масла, надо было перегнать молоко через сепаратор. А в те годы (конец пятидесятых — начало шестидесятых) этот чудо-агрегат в деревне был далеко не у каждого.

Во-первых, стоил он довольно дорого, во-вторых, его надо было заказывать через наш сельский магазин, далее через совхозный, ещё дальше — через районный и областной сельхозпотребсоюз, и затем ждать месяцы, а то и годы, когда это чудо сельхозпромышленности попадёт по разнарядкам в наш Пятерьжск.

У нас сепаратора не было, и ещё у дюжины соседей тоже. А вот у живущей через несколько домов от нас Коробовой тётки Нюси-письмоноски (так её называли — нетрудно догадаться почему) сепаратор имелся. И она, прогнав своё молоко, разрешала и соседям проделать эти нехитрую операцию с надоем от своих Маек, Зорек, Март.

Соседки с разных сторон шли к дому тётки Нюси по улице, залитой мягким золотистым светом неспешно уходящего на запад солнца, с полными ведрами, накрытыми марлей (чтобы пыль не попала, мошка не упала), после вечерней дойки. Кто-то из женщин неторопливо вращал рукоятку мерно зудящего агрегата, и из блестящих металлических желобков с одной стороны тоненькой, ослепительно-белой струйкой сбегали в банку или бидончик сливки, а в посудину покрупнее

с громким журчанием лился самый настоящий ручей синеватого обрата.

А весь этот неторопливый зудящий звук работающего агрегата с тёмно-синей краской на боках, увенчанного пузатым алюминиевым накопителем молока, пересиливали громкие голоса и смех безумно болтающих женщин, в том числе и моей мамы, ещё молодой, улыбчивой, с короной тёмно-русых волос на аккуратной голове.

Это был самый настоящий женский клуб, в котором сельские матроны обменивались новостями, судачили, сплетничали. Откуда я это знаю? Да помогал маме то бидончик со сливками унести, то ведро с обратом, который благодушно выпивали или телята, если они были у нас в тот момент, или свиньи. Попутно, понятное дело, краем любопытного уха фильтровал всякие злободневные темы.

А дома мама ставила посудину со сливками в тёмное прохладное место, и очень скоро они превращались в густую, обалденно вкусную сметану, которую можно было есть вместо масла. И мама, видя, с каким удовольствием мы поглощаем это деревенское лакомство со свежим, щекочущим ноздри ароматом свежей выпечки хлебом или с румяными, как маленькие солнышки, оладушками, решала пока масло не сбивать, а дать слопать эту сметану нам.

Через несколько лет мама уже сама с гордостью и любовью перебивала блестящие чашечки своего сепаратора и сушила их на полотенце до следующей перегонки молока. Сначала это был ручной, а потом появился и с электрическим моторчиком, и уже не надо было с натугой нажимать самому на ручку привода агрегата, чтобы он со всё возрастающим жужжанием разогнался до полного хода, — это делала уже сама техника.

Бедная деревня на глазах богатела, и всего за двадцать лет — с шестидесятых по восьмидесятые — сельчане по зарплате, материальному благосостоянию и даже частично культурному досугу уже мало в чём уступали горожанам. Но счастье длилось недолго: страна рухнула в «катастрофику», последствия которой мы уже никогда, наверное, не разгрёбём.

Вот о чём вспомнилось мне при виде фотографии этой скромной маслобойки-кормилицы...

Аромат сенокоса

А в прежние времена — ну, лет так с сорок-пятьдесят назад — в эту пору у меня дома в Пятёржске завершались последние приготовления к началу сенокоса на лугах. Большая вода к тому времени уже уходила, напоённая Иртышом пойма подсыхала и буквально вся покрывалась ярко-зелёным ковром — так бурно шло в рост луговое разнотравье.

Травозаготовителям надо было за несколько летних недель обкосить всю эту обширную

площадь — от уголья Чипишки до Роши, собрать скошенные травы в валки, дать немного подсохнуть, потом уже закопнить и оставить досыхать до «кондиции», когда всё ещё остро пахнувшее разными травами и луговыми цветами сено уже можно будет вывозить с лугов к месту зимнего хранения, то есть на сеновал, где травяной урожаёй выкладывается с помощью стогометателей и опытных раскладчиков в гигантские скирды.

Сено тогда скашивали прицепными сенокосилками, на каждой было, по-моему, по одному двухметровому полотну, а прицепляли к трактору штуки три-четыре косилки, и получался, таким образом, широкозахватный агрегат, сразу выкашивающий метров шесть-восемь луговины. За рычагами трактора был обычный механизатор, а вот сенокосилками управляли пацаны! Начиная где-то с шестого или даже с пятого класса, нам разрешали работать, под строгим присмотром взрослых наставников, в кормозаготовительной бригаде. И мы, мальчишки, всей душой стремились попасть на эту работу.

А ведь к тому времени начинались каникулы, и, казалось бы, чего уж лучше, чем предаваться активному отдыху на живописной природе: на рыбалке, на водных процедурах на озере или на Иртыше. Но нет, нам хотелось поработать! И, скорее всего, по двум важнейшим причинам. Работа эта была уже фактически взрослая, и мы расценивали наш допуск в сенокосную бригаду как некое начало взрослой уже, самостоятельной жизни. И второе — всем хотелось заработать. Понятно, что зарплату нашу в конторе за нас получали наши родители. Но они уже не могли отказать нам в выделении определённых, честно заработанных нами, сумм на приобретение каких-то заранее спланированных покупок. Может, это были коньки. Может, велосипеды, спиннинги. Не важно что — важно, что на заработанные тобой деньги!

И те мальчишки, кому свезло работать на сенокосилках, сами их ремонтировали и готовили к покосу у территории склада. Помню, какие важные были Генка Шаламов, Колька Кутьшев, Сашка Карпенко, звякающие гасчными ключами у своих косилок. На них, кстати, не каждому разрешали садиться: там нужны были определённая сноровка и сила, чтобы вовремя ручным рычагом поднять и опустить брус с полотном косы, не слететь с жёсткого железного сиденья во время косьбы.

Мне сначала доверили работу... помощника повара. Я ездил на телеге в Рошу за хворостом для кухни, рубил этот хворост, подносил воду из Иртыша (стан обычно располагался на берегу реки). Из поварих помню тётю Нину Коробову, тётю Олю Таскаеву, очень добрых и весёлых женщин.

А какая была красота вокруг полевого стана! Везде кудрявые заросли тальника, по зелёному

ковру луга то там, тот тут ползает техника — пыхающие дылком из выхлопных труб трактора с сенокосилками в прицепе и переключаящимися на них мальчишками, с граблями, пресс-подборщиками, «кораблями» копнителей.

А рядом плещется уже хорошо прогретый Иртыш, иногда по нему с гулом пролетает «Ракета» или проползает буксир с баржей в прицепе, и пассажиры и речники с любопытством смотрят на оживлённейшую работу на лугу. А какой запах скошенных и начинающих подвяливаться под жарким солнцем луговых трав стоял всё это время в воздухе! Эти ароматы трав доплывали даже до села, и были они лучше всяких одеколонов и духов!

На следующий год и мне тоже доверили сесть на грабли. Работали мы в паре с трактористом Петей Ледовским (сыном Героя Советского Союза). Грабли были с захватом, если я не забыл, метров в шесть. И тут главное было приноровиться выкладывать валок ровной ниточкой, а не ломаной линией, иначе потом проблемы будут у пресс-подборщика — не вилить же ему по твоему кривому валку! Ничего, научился справляться, даже когда трактор шёл почти по берегу озера или курьи.

Работал также и помощники у «командира» пресс-подборщика Раиса Асадуллина. Моя задача сводилась к тому, чтобы отгрести вилами края валков от ляг и озерков метра на три-четыре, чтобы агрегат мог забрать всё сено и развернуться для захвата следующего валка. Тоже, в общем, несложная работа. Но дядя Раис был такой трудолюбивый, что, пока я готовил очередной валок, он уже «дышал» мне в спину рычащим двигателем своего МТЗ, так что мне надо было поторапливаться. Впрочем, благодаря ему я последним своим сенокосным летом попал в газету, причём — в областную!

Корреспонденты «Звезды Прииртышья» приехали на луг на «бобике», взяли сначала интервью у управляющего (тогда был, кажется, Кошевой А. И.), у бригадира Егора Михайловича Писегова, а те потом направили их снимать передовых механизаторов. Сфотографировали сначала дядю Раиса. Я же в это время скромно чертил вилами по траве, но меня тоже заметили. Дядя Раис сказал, что я его помощник и хорошо работаю. Тогда и меня сфоткали. А когда я увидел газету со своей фотографией, то ни фиги не узнал сабы — такое вот тогда было качество снимков даже в областной прессе. А вот дядя Раис хорошо получился, прямо как на картинке!

Впрочем, тогда газетная слава настигала многих передовиков сенокосной страды. Я попросил поделиться своими воспоминаниями о работе в бригаде одноклассника Володю Гончарова (остальных наших парней, увы, уже нету). И вот что он мне написал (привожу практически дословно):

«С пятого класса начал, много интересного было. Работал на граблях, Николай Конюшенко

был трактористом. Как-то чуть на дядю Раиса не наехали — он прилёт отдохнуть на валок, да и занул. Работал и на подборщике, в паре с Генкой Подкорытовым, он из Омска приезжал на каникулы. Тракторист был дядя Петя Тлембаев, ещё нас таскал Михаил Фёдорович Кутышев.

Про наше звено с Тлембаевым написали в районной газете, Генка её в Омск повёз, в школе показывал, как он летом помогал совхозу на сенокосе. Мы же ещё и денежки получали, что немаловажно (это точно, Вова!). Работали все до обеда, в самую жару, часов до четырёх, обед, потом купались. Михаил Фёдорович всех заманил плыть на ту сторону Иртыша, сам немного проплывёт — и назад, а мы, как дураки, рады стараться, кто дальше заплывёт».

В общем, замечательное это время было, сенокосное, очень трудовое, с одной стороны, а с другой — почти праздничное. Всегда работали с настроением, в общем порыве, с энтузиазмом. А наградой за то нам, всем пятерыжцам, становились полные сеновалы кормов для скота. И наше четвёртое отделение совхоза «Железинский» не только само без проблем зимовало с таким запасом кормов, но ещё и продавало излишки сена другим степным хозяйствам.

Уже после армии мне довелось ещё один сезон поработать на сенокосе. Я вернулся домой со специальностью электросварщика (получил её в стройбатовской учебке в Нижнем Тагиле) и был принят в штат тракторной бригады. И что удивительно, успел ещё раз захватить то почти детское очарование и ощущение романтики от живописнейшего вида иртышской поймы и хлопотливой, весёлой сноровистости моих земляков-механизаторов, какие я всегда испытывал, работая в детстве рядом и вместе с ними.

А теперь догадайтесь, куда я поехал в первую свою командировку как корреспондент районной газеты (меня в неё забрали буквально из тракторной бригады, как лучшего нештатного автора), когда редактор сказал, что нужен срочный репортаж на тему обеспеченности кормами из любого ближнего хозяйства?

Яблочки

Не знаю, как в наши дни, а в начале семидесятых прошлого века город Петровск, что в Саратовской области, имел в своих окрестностях замечательный фруктовый сад. Знаю об этом потому, что служил в том самом Петровске, и как раз в тех окрестностях, где располагался тот самый замечательный сад.

Наш славный военно-строительный батальон был передислоцирован сюда осенью из костромских лесов, где мы завершили решение одной важной военно-строительной задачи — строительство и сдачу ракетной площадки — и приступили

к реализации другой, не менее важной, на этот раз в саратовских степях. А именно — мы должны были построить военный городок для авиаторов.

И часть наша расположилась как раз на окраине Петровска, между уже обозначенной строительной площадкой для жилых и прочих объектов и аэродромом, на котором в летнюю пору учились летать курсанты авиаучилища на серебристых военно-транспортных самолётах «Ан» (номера этой серии «Ан» не помню, но сзади у них из хвостовой кабинки торчали пушки).

В общем, всё такое серьёзное и важное. Но мы при всём при том оставались девятнадцати-двадцатилетними пацанами, многие из которых так и не осознали до конца меру своей ответственности как военнотружущие и не прочь были побеситься, покуражиться, свалить в самоволку и так далее.

Сразу за взлётной полосой военного аэродрома виднелась невысокая ярко-зелёная стена петровского фруктового сада. Был уже конец жаркого июля, если говорить о времени, о котором я веду рассказ, и до нас дошли слухи, что деревья этого сада буквально ломаются от созревшего урожая самых различных фруктов. Правда, каких — мы не знали. А хотелось не только узнать, но распространять этот урожай.

И вот я, сварщик той самой стройки военного городка, и мой помощник-слесарь рядовой Петров, в этот день работавшие в ночь, после завтрака были свободными, как птички, и потому решили совершить вылазку в сад. Авиаторы начинали свои полёты ближе к обеду, самолёты мирно дремали на своих стоянках, и вдоль них неспешно прохаживался часовой, поплёскивая примкнутым штывком автомата за плечом.

Мы с Петровым успешно, но не спеша, чтобы не привлекать чьего-либо внимания, пересекли взлётную полосу подалее от самолётов, пролезли через проволочное ограждение и дальше двинулись уже дробной рысью.

Сад со стороны аэродрома никак не был огорожен, не считая пропаханных какой-то техникой неглубоких рвов, и мы с Петровым вскоре углубились в его тенистые, благоухающие фруктовым ароматом аллеи. Мать Божья, у меня было такое ощущение, что мы попали в рай! Яблони были усыпаны созревающими крупными, с одной стороны ещё зеленоватыми, а с другой уже застенчиво-румяными яблоками. Их было так много, что ветви гнулись под их тяжестью и, казалось, вот-вот надломаются.

А на соседней аллее другие деревца, также не очень высокие, но раскидистые, были раскрашены множеством алых шариков. Какие-то были покрупнее и посветлее, какие-то помельче и светились тёмно-алым оттенком. У висевших напротив солнца этих как бы покрытым лаком шариков можно было разглядеть на свет дробинки

косточек. Множество таких алых плодиков уже валилось на траве. Это была вишня.

Я, выросший на северо-востоке Казахстана, впервые видел такой грандиозный сад, такое буйство цветов созревших плодов, вдыхал такие божественные ароматы. Не знаю, видел ли такое у себя в Удмуртии Петров, но мы, не сговариваясь, тут же начали срывать с низко висевших ветвей вишню горстями и заталкивать в рот.

Раздавленные нашими нетерпеливыми солдатскими зубами плоды орошали нам языки и нёбо прохладным сладким и в то же время терпковатым, вяжущим соком, и казалось, что мы не просто взахлёб глотаем эти изумительно вкусные мякоть и сок алых плодов, а выпитываем их даже внутренними стенками наших щёк и пищеводов.

А затем мы принялись грызть крупные яблоки. Накануне прошёл дождь, и крутобокие румяные плоды были ещё покрыты капельками прохладной влаги. С каждым надкусом яблоки брызгались сладким соком, и мы с Петровым хрустели ими, не утомимо двигая челюстями и довольно подмигивая друг другу: какие, мол, мы молодцы, да, братан?

И когда мы уже насытились и кусать плоды стало несколько некомфортно от образовавшейся на зубах оскомины, мы расслышали приглушённые голоса и смех из глубины сада. Похоже, это вышли на работу сборщики урожая. Нам вовсе не хотелось, чтобы нас застали за несанкционированным поеданием плодов в государственном саду, и мы торопливо стали набивать яблоками пазухи гимнастёрки под самый ворот (от них нашим вздувшимся животам сразу стало зябко и щекотно), а также карманы солдатских шаровар, и даже загрузили ими пилюльки с предварительно отвёрнутыми клапанами: ну надо же было угостить пацанов из нашего взвода! Затем наши обезображенные раздувшимися животами и карманами фигуры торопливо, насколько это было возможно, поковыляли из сада.

Выбравшись наружу, мы в нерешительности замерли недалеко от взлётной полосы: слышался рокот прогреваемых моторов самолётов. Улетунов начинались учебные полёты. Обойти аэродром и при нормальной ситуации было бы непросто — надо было бы сделать крюк более чем в километр, а для нас с Петровым, каждому нагруженными с пятёрк килограммов яблок, этот крюк вылился бы в долговременный поход.

И мы решили пересечь взлётную полосу — авось успеем до начала полётов. Но когда мы были уже на середине поля, первый из вырливших со стоянки самолётов грозно взревел всеми своими четырьмя двигателями, прибавил газу и лихо подкатил к нам. Мы с Петровым застыли на месте, не зная, что делать: то ли поковылять обратно в сторону сада, то ли поднырнуть под тускло блестящее дюралевое брюхо рычащего

самолёта и рвануть на ту сторону, к родным казармам. Но для этого надо было сбросить весь груз, а нам очень не хотелось расставаться с яблоками.

Пока мы размышляли, раскрылась дверца самолёта, и из его чрева по трубчатому трапу к нам спустился рослый офицер в рубашке с короткими рукавами и в фуражке с голубой тульёй. На плечах его красовались погоны с майорской звездой. Это, видимо, был инструктор лётчиков-курсантов.

— Кто такие? Почему гуляете по взлётной полосе? — проревел он, сиюсья перекричать работающие двигатели самолёта.

Майору положено было отдать честь, но мы были без головных уборов, так как в наших пилотках с развёрнутыми клапанами лежали яблоки, и мы просто вытянули руки по швам. Пилоток, однако, при этом не выпуская.

— Дак мы это... в часть к себе идём... яблоки вот... — вразной залепетали мы с Петровым.

— А? — приложил руку к уху и, ничего не поняв, с досадой махнул рукой.

Он, конечно, знал, что за воины перед ним стоят. — А ну поехали! — неожиданно скомандовал майор. — Залазьте, залазьте в салон!

Он встал за нашими спинами и стал нас подталкивать к раскрытому дверному проёму самолёта. И мы, совсем очумев от такого поворота, застучали каблуками сапог по трапу. Взобравшись в сумрачное, неярко освещённое через небольшие иллюминаторы чрево транспортника, мы с Петровым уселись на продольные жёсткие лавки, расположенные по борту вдоль иллюминаторов, и стали с любопытством озиаться по сторонам. Майор прошёл к открытой пилотской кабине, откуда на нас насмешливо посматривали курсанты-летуны в шлемофонах на головах, и что-то им скомандовал. Самолёт заревел и, качнувшись, тронулся с места.

Не знаю, как Петров, но я всего лишь второй раз в жизни сидел в самолёте. Первый раз это случилось в 1967 году, когда я после пятерыжской восьмилетки продолжил учёбу в Иртышской средней школе и после весенних каникул полетел из Железинки в Иртышск на кукурузнике, — из дома через Иртыш туда перейти было нельзя, так как лёд на реке уже основательно подтаял и можно было провалиться под него. И все десять минут лёту (лететь-то надо было всего с три десятка километров) тогда не мог оторваться от иллюминатора, вот так же неловко сидя боком на продольной лавке и влипнув носом в стекло. Сверху, с километровой высоты, я узнавал и не узнавал родные места — плавные извивы всё ещё заснеженной реки, луга, пока ещё местами тоже в пятнах серого снега, крохотные дома соседней Моисеевки на обрывистом берегу Иртыша и за ней — родного Пятерыжска. Помню, как у меня раз за разом всё ухало внутри,

когда Ан-2 то и дело нырял в воздушные ямы над поймой реки.

Но сейчас-то мы не летели, а просто ехали. Прокатив метров с триста и подрулив к краю аэродрома, самолёт сбавил обороты ревуших моторов и остановился. Майор открыл дверку и жестом велел нам выйти из самолёта. Мы с Петровым неловко, стараясь не растерять выпирающие практически по всему телу из-под нашего обмундирования яблоки (они даже закатились за спину и удерживались туго затянутыми поясами), спустились по невысокому трапу вниз.

— Пошли, — скомандовал майор.

Не знаю, почему он к нам так прицепился. Не так уж часто наши пацаны разгуливали по аэродрому — нам там просто нечего было делать, у нас были свои объекты, совсем в противоположной стороне. Ну да, мы попались. Но чтобы кто-то ещё до нас — не помню такого. Хотя я просто мог и не знать. А майор, видимо, просто хотел раз и навсегда покончить с вольных хождением бойцов стройбата по действующему военному аэродрому, хоть и учебному.

Мы было прибавили с Петровым шагу, завидев родные казармы и намереваясь удариться в бега. Но майор цепко взял каждого из нас под руку и, оставаясь посередине, пошёл с нами к нашей казарме, к которой мы и вели его с удручённым видом и понурым шагом. Сопротивляться офицеру у нас, вымуштрованных хоть и в стройбатовской, но учебке, даже и в мыслях не было. Мы оба с Петровым провели полгода в Нижнетагильской ШМС (школе младших специалистов), где нас выучили: меня — на сварщика, его — на слесаря. Эта учебка славилась железной дисциплиной и зверской муштрой. Хотя зачем она была нужна, мне до сих пор остаётся непонятным, если оставшиеся полтора года мы элементарно вкальвали на военных стройках, причём — за зарплату, в чём и заключалась наша основная служба

Вот и казарма. Наличный состав роты в это время находился на объектах, и, к счастью, нашего позора почти никто не видел, за исключением дневального Зыкова, скучающего у тумбочки с телефоном, да нескольких освобождённых от работ заболевших солдат, валяющихся на койках. Глухо топая стоптанными каблуками кирзачей и распространяя вокруг себя аромат яблок — дневальный аж закрутил носом, — мы вели чужого майора к канцелярии нашего командира роты и молили Бога, чтобы его не было.

Дневальный неуклюже козырнул сопровождающему нас офицеру, тоже мотнувшему кистью руки у тульи своей высокой фуражки.

— Вы к кому?

— Рядовой, доложите вашему командиру, что я привёл нарушителей полётного режима, — сообщил майор.

— Чего? Какого режима? — в изумлении уставившись на нас, не по-уставному ответил Зыков.

Майор посуrowел лицом и хотел, видимо, сказать что-то тоже суровое, но тут распахнулась дверь кабинета нашего комроты, и из неё вышел сам Срухов, наш командир. Это был красавец-кабардинец, горбоносый, с лихими усами, кудрявым чубом смолистого цвета, непокорно выбивающимся из-под козырька заломленной набок чернотульей фуражки.

Срухов тоже носил майорские погоны, как и наш комбат Федин. А дальше командования ротой его не продвигали из-за скверного характера. Срухов любил горькую, говорили, что именно из-за этого его турнули из ракетной части в стройбат. Он не признавал никаких авторитетов и однажды даже двинул по морде самому комбату (что уж там говорить про солдатские?). Чем и обрѣк себя сидеть веки вечные на капитанской должности даже при погонах майора.

Сегодня Срухов был пьян лишь слегка, а потому почти учтив. Гневно сверкнув в нашу сторону белками своих чѣрных, навыкате, глаз в мелких кровяных прожилках, он вежливо предложил пройти майору-летуну в канцелярию, а нас остановить тем же неприязненным взглядом, в котором читалось: «Стоять, бояться!» Вслух же буркнул:

— Ни шагу отсюда, пока не позову!

Ну, нам с Петровым что? Велено стоять под дверью — вот мы и стоим, благоухаем ароматом яблок, распирающих наши карманы и пазухи гимнастѣрок. А поскольку время было уже к обеду, народ возвращался с объектов в казарму, чтобы, слегка приведя себя в порядок, идти обедать. А тут мы стоим и сумасшедше пахнем яблоками.

Один подошёл: «Чего это у вас тут такое, а?» — другой, ну, мы и стали с Петровым раздавать уже нагревшиеся от долгого контакта с нашими разгорячѣнными туловищами садовые плоды всем, кто проходил мимо, так как смекнули: у нас их всё равно отнимут в канцелярии и потом сожрут Срухов со старшиной Пасюком и взводными командирами. И уже через несколько минут яблок не осталось даже в наших пилотках, которые мы, как вы помните, использовали в качестве подручных носильных средств.

А за дверью канцелярии между тем разговор уже шѣл на повышенных тонах: два майора орали друг на друга как резаные. Тут дверь распахнулась, на пороге показался майор Срухов с красным лицом.

— А ну войдите! — приказал он нам.

Мы с Петровым напялили опустевшие пилотки на головы, поправили сбившиеся гимнастѣрки, дружно шагнули в канцелярию и, вскинув руки к виску, вразной отрапортовали:

— Товарищ майор, рядовой такой-то по вашему приказанию прибыл!

Другой майор, который летун, хмуро посмотрел на нас и скривил лицо, как будто мы его угостили кислым, незрелым яблоком.

— Прибыли они... — хмыкнул Срухов. — Красавцы! Что в саду делали? Кто вам разрешил туда пойти, э?

В это вопрошающее междометие «э?», в зависимости от ситуации, наш комроты вкладывал удивление, пренебрежение, угрозу. Сейчас Срухов нам явно угрожал.

Мы быстро переглянулись с Петровым, и я сказал:

— В каком саду?

— Как в каком? — изумился не наш майор. — В том, где вы яблок наворовали и с ними потом ковыляли по взлѣтной полосе, как беременные ишаки!

— Какие яблоки? — теперь эстафету «дурака-валаяния» подхватил Петров.

Срухов, опытным глазом оценив обстановку, понял, что мы успели избавиться от вещдоков (хотя и сделали мы это не специально), и спросил, пряча улыбку в свои густые усы:

— Ну вот, а товарищ майор говорит, что вы шли с яблоками из сада и чуть ли не под его самолѣт попали!

«Не даст нас в обиду этому летуну Срухов», — окончательно понял я и с убеждением сказал:

— Да мы просто с краю взлѣтной полосы стояли. У нас с Петровым смена в ночь, до вечера мы свободные, вот и решили сходить посмотреть, как самолѣты взлетают и садятся. Какие красивые самолѣты у вас, товарищ майор! Как серебряные, прямо горят на солнце. В жизни таких не видел. Скажи, Петров?

Я толкнул в бок стоявшего с задумчивым видом Петрова.

— Ага! — поперхнулся он. — Пряма как эти... как гуси-лебеди...

— Какие, к чѣртовой бабушке, гуси, какие лебеди? — вспыхнул чужой майор и обвѣл нас всех поочерѣдно недоумевающим взглядом. — Вы что меня, за дурака держите? Я самолично задержал на середине лѣтного поля этих двух гавриков, у них все карманы штанов и пазухи гимнастѣрок, даже пилотки были забиты яблоками! Где, кстати, яблоки? Уже скинули, да? А вы их покрываете, товарищ майор... Эх!

И столько досады и обиды было в голосе, во всей обескураженной фигуре этого летуна, что мне даже стало немного жалко его. А с другой стороны — ну какого чѣрта он к нам прицепился? Ну проехал бы мимо на своём задрипанном аэроплане, а мы бы прошли дальше, в свою часть, и всем было бы хорошо. Так нет же, нашѣл в нас диверсантов. Яблоками мы бы его керосинку закидали...

— Ну как, будем считать, что инцидент исчерпан, товарищ майор? — примирительно кашлянул, разглаживая крендельком согнутого указательного пальца свои смоляные усы, комроты Срухов. — Никто по полю вашему не ходил, яблок по нему не таскал, да?

И он протянул руку летуну.

Авиамайор подумал с полминуты, снова оглядел нас всех троих изучающим взглядом, потом расхохотался и пожал Срухову руку.

— Ну вы, ребята, и молодцы! — только и сказал он на прощание и, козырнув Срухову, развернулся и вышел из канцелярии.

Мы с Петровым переглянулись и разулыбались, весьма довольные собой.

— Смирно! — гаркнул майор Срухов, как только за летуном закрылась дверь. — Да я вас!.. Да я ваших!.. Да вы у меня!..

Ошеломлённые, мы стояли, кинув руки по швам, и минут пять, не меньше, выслушивали, как разгневанный комроты словесно носил нас «по кочкам», ни разу не повторившись. Выдохшись, он завершил свою гневную филиппику почти миролюбиво:

— Ну чёрт с вами, топайте в роту! А чтобы вам было чем заняться в свободное от работы время, кроме как яблоки в садах околачивать, каждому — по три наряда вне очереди!

— А... — хотел было я что-то вякнуть в наше оправдание и тут же поплатился.

— По пять нарядов вне очереди! — рявкнул комроты, да так, что в окнах задрезбужали стёкла.

— Есть по пять нарядов вне очереди! — дружно гаркнули мы в ответ в один голос. — Разрешите идти, товарищ майор?

Срухов уже шёл к столу и вяло махнул нам рукой: мол, валите к чёртовой бабушке, — и мы поспешили покинуть сей негостеприимный кабинет, памятуя, что наш комроты Срухов — личность непредсказуемая и вместо вполне безобидных (хотя и противных) нарядов вне очереди вполне мог закатать нас на «губу» (гауптвахту).

Конечно, про походы в сад мы забыли. Но когда только-только отпахали свои наряды вне очереди на кухне, на уборке казармы — в общем, куда нас направлял дежурный по роте или старшина, почти весь наш батальон в одно прекрасное воскресенье после завтрака отцы-командиры построили и повели... в тот самый сад. Где мы с огромным удовольствием помогли петровским садоводам убрать богатый урожай и привезли в часть несколько десятков ящичков честно заработанных отборных яблок. И казармы наши несколько дней буквально благоухали яблочным ароматом!